ЛБ26 21

В. ВЕЛИЧКО
Гвардии подполковник

Падение Кенигсберга

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
1945

Л526/21

В. ВЕЛИЧКО
Гвардии подполковник

ПАДЕНИЕ КЕНИГСБЕРГА

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1945

12 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
816582

В январе 1945 года войска генерала армии Черняховского начали наступление в Восточной Пруссии. Они прорвали главную вражескую линию сопротивления и ринулись в глубь вражеской страны. Это было сокрушительное наступление. Битва разгорелась на огромном пространстве.

Побагровело, окровянилось серое прусское небо.

Падали немецкие города, рушились рубежи вековечной крепости и новейшей техники. Немецкая земля лежала под ногами советских солдат.

Войска Черняховского шли по той самой земле, по которой около 200 лет назад, в Семилетнюю войну, шли на столицу надменной Пруссии — Кенигсберг русские полки. И словно то было недавно! За 200 лет не мог простыть здесь след русских солдат. Советским воинам казалось, что впереди во тьме ночей дымят костры русских бивуаков.

Потомки шествовали по стопам предков...

На Кенигсбергской оси наступления бились войска генерала Людникова. Они углублялись в Восточную Пруссию стремительно. И в тяжких боях приходило к ним солдатское счастье — большое и гордое: они — судьи, они шагают по земле исконного врага, его судьба — в их руках!

Идея наступления жила глубоко в сердце войск. Солдаты кричали:

— Шагнём к Кенигсбергу!

Уже позади остались твёрдокаменные редуты Пилькаллена и Инстербурга. Чувствовалось уже дыхание моря — сырое и холодное. Но Кенигсберг был еще далеко. Открывалась перед войсками страна глухая, покрытая туманом. Белесая, непроглядная тьма лежала повсюду. То валил мокрый, талый снег, то сыпал мелкий промозглый дождь, то мороз вдруг сковывал землю. И снова глушил туман, ел глаза, словно ржавчина. Обнажались под туманами всё новые рубежи — камень, бетон, железо, всё новые укрепления. Седая мгла медленно ползла по линиям дотов и траншей. Была ли в этих неприютных землях хотя бы одна десятина вольной, незакованной земли?.. Оперативного простора не было.

Бойцы говорили о Восточной Пруссии:

— Замурована вся, наглухо!

И всё больше познавали советские войска ту землю, которую клонили к своим ногам.

В местечке Гросс Баум, в домах которого рядом с изразцовыми печами громоздились отвратительные серые доты, гвардейцы смяли немцев. Гвардейцы было уже бросились вперёд, как чей-то крик остановил их. С барского двора бежал боец.

— Смотрите, братцы, смотрите! — кричал он, задыхаясь.

Боец показывал цепи и в ярости потрясал ими над головою. Это были кандалы и наручники, снятые с людей не так давно. Советские люди, те, кто их носил, были угнаны дальше, к Кенигсбергу.

Гвардейцы молча передавали их из рук в руки. Николай Лукаш долго смотрел на страшное железо, весь потемневший.

— Гвардейцы,— глухо сказал он,— слушайте меня. Не забуду я этого немцам. Не остановит меня ни огонь, ни камень.

...Сквозь туман и железобетон войска Людникова упорно пробивались к Кенигсбергу. И вот перед ними лёг рубеж реки Дайме — первый внешний оборонительный обвод Кенигсберга, начало его твердыни.

В 30 километрах, за Дайме, во мгле стоял Кенигсберг — прусский Карфаген.

1.

Линия Дайме — железная дверь Кенигсберга.

Она строилась 40 лет, модернизировалась и улучшалась с каждым новым шагом военной инженерной мысли. Открыть эту дверь означало превзойти врага в военной науке. Разведчики пробирались глубоко в тыл немцам. Отважные искатели опасности должны были первыми прощупать этот рубеж.

Было раннее утро.

Притаившись, разведчики наблюдали. Их взору открывалась скучная извилистая река, мирно спящая подо льдом. Унылый, пустынный берег её возвышался на вражеской стороне. Кругом из-под тающего снега зеленела рожь. Близко темнел лес. Безлюдье, тишина, никакого живого следа. Серое небо низко висело над этим серым прусским ландшафтом.

— Не та речка! — решительно сказал один разведчик.

Сержант Андрей Хвалебнов долго и пытливо смотрел на реку через бинокль. И вдруг Хвалебнов весь насторожился: линзы бинокля поймали необычную добычу. Одинокий щенок сидел на западном берегу и, видно, скулил от холода. Но вот чья-то рука появилась из-под земли, взяла щенка за шиворот и утащила к себе, под землю.

Хвалебнов похолодел от волнения.

— Она, Дайме! — твердо сказал Хвалебнов.

Да, это была линия Дайме.

В обрыве её берега, под землёй, жил особый немецкий

мир. Тяжёлые монолиты многоамбразурных дотов тянулись у самой кромки льда. Доты были вмонтированы в берег. Никакой прибор не мог обнаружить их. Боевые казематы имели метровые стены, мощные броневые плиты, многопудовые заслоны. Вооружение дотов — пушки, тяжёлые и лёгкие пулемёты управлялись особыми приборами.

За дотами лежали строгие инженерные линии траншей и ходов сообщения.

Боевые рубки наблюдательных пунктов Дайме напоминали капитанские рубки подводных лодок. Всё здесь говорило о морском укладе, применённом к земле. Казалось, что и река, и её берега, и её лед — всё это тоже сделано по чертежам военных инженеров.

Железо, бетон, броня.

Линия Дайме могла вызывать на себя огонь своей артиллерии любых калибров. Гарнизон этой линии мог остаться в тылу советских войск и ударить им в спину...

В Кенигсберге в то время ещё не строили уличных укреплений. Разве можно преодолеть неприступную Дайме? Прусская столица передавала танцовальную музыку и речи Коха — гаулейтера Восточной Пруссии.

Войска генерала Людникова знали о той опасности, которая грозила им. Но они не задумывались по этому поводу. Войска жестоко колотили немцев.

2.

Шли десятые сутки наступления.

Вид немецких войск являл собою картину полного разгрома. Многочисленная пехота, самоходная броня, артиллерия, резервы — все было смято, раскрошено и ползло прочь, назад под страшным натиском советской пехоты, артиллерии, танков, авиации. Немцы потеряли 17.000 толь-

ко убитыми и 400 пушек. Удар же советских войск не ослабевал. Они наступали, словно железные, не зная усталости. Тараном шли гвардейцы генерала Безуглого. На их долю выпал труднейший участок Дайме — Гросс Пеппельн... Широколицый, ширококостый Безуглый отлично понимал, какую преграду предстоит преодолеть его гвардейцам. Но он верил в своих солдат и докладывал Людникову:

— Нет, мои гвардейцы пешком Дайме не будут переходить. Немцы перенесут их на своих плечах!..

Сражение на Дайме разразилось, когда вечерняя мгла уже окутала обе стороны.

Полз, клубился туман.

Немцы лезли на лёд, к своим дотам, в последней надежде здесь остановить гвардию. Открылись амбразуры всех 63 дотов. Река залилась огнём. Полетел в воздух лёд, подорванный фугасами. Огромные стеклянные глыбы его поднялись на ребро и засверкали. Дайме стала походить на пасть зверя, оскалившего свои зубы. В то же время на неё обрушился яростный огонь множества наших пушек. Гвардейская краснознамённая артиллерия подполковника Олейника шла вместе с пехотой, и её тяжёлые стволы вдруг показались на берегу Дайме, против дотов.

Брызги льда и пуль обдавали артиллеристов. Начался сущий ад. Светились амбразуры немецких дотов, как огромные свечи.

— По свечкам! — закричал старшина Валентин Шевчук своему наводчику Безуглому.— Гаси доты!

Орудие открыло огонь прямой наводкой. Осколки своих же снарядов скрежетали по его щиту. Наводчик Безуглый стонал:

— Туман... туман...

Рядом с ним било «по свечкам» орудие старшины Петра Кот. Валентин Шевчук, комсомолец, Пётр Кот, комму-

нист, были знаменитые артиллеристы. Их орудия шли издалека, из глубины Советского Союза, и их расчёты знали, что такое немецкий дот. Они должны были заткнуть, залить металлом глотки дотов, на которые был нацелен штурмовой удар гвардейцев полковника Бибикова.

Теперь Дайме походила на колоссальную кузницу, полную грохота, дыма и искр.

И вот гвардейцы Бибикова бросились на лёд. Вот они ползут... бегут... карабкаются по глыбам льда, кровяня его. И уже некоторые достигли того берега.

Великая сила святого самозабвения! Никакая другая сила не могла устоять перед ним. Оглушённые, ослеплённые гарнизоны дотов выли в своих каменных конурах.

— На лёд! — закричал Валентин Шевчук.

Его батарейцы Безуглый, Щипилов, Колтунов, Григорчук, Хреновский покатили орудие на лёд. Провалился передок в пучину. Подхватили орудие на руки, вынесли... покатили дальше... Глыбы льда ворочаются под ногами. Стелется огонь пулемётов. Но — живы! Командир головного полка подполковник Трушин пробегал по льду на немецкий берег. В отсветах огней и ракет узнал Валентина, крикнул:

— Благодарю, орлы!

Внутри укреплённой линии, за дотами уже шёл бой. Немцы растекались из бункеров по траншеям. Но в первой линии уже мелькали белые халаты наших пехотинцев. Крик и треск стояли повсюду. В пляске ракет мелькали бегущие, прыгающие гвардейцы. Сержант Жабин и его восемь гранатомётчиков столкнулись с немцами в траншее лицом к лицу, начали их бить гранатами. А поверху, как ветер, неслись, широко развевая полами шинелей, автоматчики.

Была уже глубокая ночь, бой гремел. На льду Дайме слышались голоса кашеваров, везущих обед.

— Эй, солдаты! Где тут наши, а где немцы?—спрашивали кашевары.

Им отвечали хриплые голоса из чёрного тумана:

— Все тут вместе...

3.

Морем разлилось сражение на реке.

В одном месте лёд был преодолён, в другом—шёл бой на льду, в третьем — немцы сами контратаковали по льду. На участке трушинского полка шли рукопашные схватки. Гвардейцы и все штабы Трушина были уже на западном берегу, а доты ещё оставались в руках немцев.

Так наступил день 23 января.

Немцы бросились на советские войска с отчаянием. Всё было ясно: они хотели сбросить гвардейцев на лёд, под стволы своих дотов и прикончить их там. В тумане послышался лязг гусениц — надвигались «Тигры»... Полковая артиллерия Трушина стояла за линией траншей, впереди пехоты. Небольшим калибрам предстояло принять удар тяжёлой немецкой брони. Батарейцы могли увидеть танки только в 10—12 шагах перед собою: всё закрывал туман, ел глаза, стелился по земле. Старший лейтенант Андрей Вишневский и старший сержант Павел Ковтун вывели свои орудия из укрытий.

— Честь гвардии, товарищи! — громко сказал Павел Ковтун своим батарейцам.

Павел опустился на левое колено, по гвардейскому обычаю клятвы... Он был комсорг батареи, пять боевых орденов сверкали на его груди. «Тигры» и немецкая пехота ринулись прямо на огневые позиции полковой артиллерии. Немцы открыли артиллерийский огонь по всей линии.

Решалась судьба сражения.

Парторг стрелковой роты рядовой Иван Рыков встал перед своими товарищами, и его призывный голос был слышен по всей цепи:

— За честь сталинской гвардии!

Рота рванулась вперёд, скрылась в огне и тумане... Начался штурм дота. И немцы не выдержали. Гарнизон дота № 47 открыл двери. У дверей дота стояли миномётные батареи капитана Алещукина и Ахмедова. Немцы и русские бросились друг на друга. Схватка закипела прямо на огневых позициях, у миномётных плит.

Впереди же слышались «ура», злобный хрип пулемётов и гул. Пулемётчик Кулаков кричал кому-то:

— Патронов мне! Патронов!

Немцы наплыли на него из тумана, точно лавина. Он всадил в них длинную очередь, прошил огнём ещё раз, резанул по спинам. Перед ним ворочался и выл, отползал назад живой, кровоточащий клубок... От правого фланга Дайме до самого левого её бастиона — Тапиау бушевал огонь. Поле боя — люди, броня, земля — всё было раскалено невероятно. И словно от этого жара вскрылась Дайме.

Но поле боя жило своими законами. Гвардейцы ползли через траншеи, пропускали над головой немецкие танки. И вот «зверобои» — тяжёлые советские самоходки — вышли на «Тигров». Поле боя наполнилось тяжким воем моторов.

— Не отпускать противника от себя!—приказал своему полку Василий Андреевич Трушин.

Это был последний его приказ. Раненый подполковник умирал на поле боя. Но его гвардия шла вперёд...

Уже стоял полдень. Линия была прорвана. Остывало поле боя и обнажалось под лучами солнца. У чахлых кустов, где орудия старшего лейтенанта Андрея Вишневского и старшего сержанта Павла Ковтуна встречали в тумане «Тигров», было тихо. Полковник Бибиков прощался со славными артиллеристами. Андрей Вишневский, Павел Ковтун и все их батарейцы лежали на лафетах и стволах своих орудий, обняв их. Павел Ковтун лежал,

широко раскинув руки. Ясная улыбка застыла на его тонком хорошем лице, словно он был на весёлом пиру.

— Штурмовать доты! — приказал полковник Бибиков.

«Зверобои» подошли к дверям дотов и, опустив стволы вниз, открыли огонь...

Так пала линия Дайме и была открыта железная дверь к Кенигсбергу.

4.

Перед стремительно наступающими войсками открылся Земландский полуостров. Предстояло протаранить сплошной лабиринт новейших укреплений, возведённых как единое и цельное сооружение обороны. Укрепления преграждали путь во всех направлениях. Гарнизоны оборонительных линий и мощных узлов сопротивления могли взаимодействовать между собою и вести бой самостоятельно.

Первой вставала укреплённая линия Кенигсберг — Гранц. Она ограждала с северной стороны город-крепость от окружения.

Под лесами Земланда, глубоко под землей, работали артиллерийские, нефтеперегонные, патронные и пороховые заводы. Гигантские арсеналы таились в недрах этой земли.

Именно здесь, на Земландском полуострове, находился маневренный плацдарм кенигсбергской группировки немецких войск. Этим плацдармом необходимо было овладеть, и только тогда можно думать о победе!

Войска наступали в беззаветном порыве. Множество заявлений о вступлении в партию и комсомол было подано солдатами во время наступления на Кенигсберг. Храбрейшие из храбрых, иссечённые в боях, и молодые, только что вступившие на поле боя, связывали свою жизнь с большевистской партией и отдавали Родине всё — и мечту, и жизнь.

...На черепицу немецких городов и местечек сыпался пепел. Казалось, идёт чёрный снег.

Величественная громада советских войск двигалась по всей линии Земландского фронта. Пехота и артиллерия шли вместе. Артиллерийские дивизионы наступали перекатами: одни перемещались, другие вели огонь. Пехота двигалась цепями. Броня таранила немцев. Было это движение причудливо: ни одного километра войска не шли по прямой. Обходы, охваты, удары во фланги поражали немцев в самых неожиданных местах и положениях.

Как стальной бурав, войска ввинчивались в замурованный Земланд и взрывали его. И в эти дни Кенигсберг услышал шаги советских солдат. Они приближались.

Невероятное творилось у немцев. Пруссия соскочила со своего стержня и летела в бездну. Бесконечные толпы беженцев запрудили все дороги, рубежи, убежища и позиции, направляясь в Кенигсберг. Схваченные чудовищной силой этих обезумевших толп, кружились и ползли вместе с ними назад немецкие войска — пехота, артиллерия, танки. Войска, спешившие из Кенигсберга и глубины полуострова на поле боя, вязли в густом людском потоке, словно в трясине.

Немецкий оползень!

Крепостной батальон капитана Лаубе попал в людскую трясину, едва перейдя линию Кенигсберг — Гранц. Он не мог продвинуться вперёд ни на шаг: людская лавина увлекала за собою всё. Казалось, она унесет и вековые аллеи шоссе.

Лаубе поднялся на самоходную пушку, заревел:

— Дайте мне дорогу! Что вы делаете? Вы погубите Германию!

Батальон был смят, поглощен многотысячной толпой на глазах его командира.

На другом шоссе танковая колонна, получившая приказ

отходить к линии Кенигсберг — Гранц, на полном ходу врезалась в людское месиво и, не останавливаясь, прошла по нему гусеницами. Страшный вопль был слышен нашими войсками, двигавшимися следом.

...Битва ожесточалась. 1.000, 2.000, 5.000 снарядов в день выпускали немцы на советские войска, чтобы остановить их. Были брошены в бой офицерские части, крепостные батальоны и военные школы.

Но натиск советских войск нарастал. Гвардия шла тараном. Батальон майора Ивана Хорошавина двигался на броне. Гвардейцы пробили толщу немецких войск, ворвались на огневые позиции немецкого артиллерийского полка и, уничтожив его, захватили 34 орудия.

— Занимаюсь артиллерией,— докладывал майор Хорошавин.— На пехоту нехватает времени — оставлю ее у себя в тылу.

К полю боя ускоренным маршем шли резервы генерала Черняховского — испытанные войска. Из глубины готовился новый, мощный удар, который должен был решить судьбу немецких дивизий. Потери же немцев были тяжелы. Целые артиллерийские дивизионы попадали в плен, с орудиями, с прислугой и запасами снарядов. В плену оказались совсем новые «Тигры». Вместе с огромной толпой был захвачен и капитан Лаубе. Он брёл один, без штаба и войск. Лаубе закрыл лицо руками, застонал:

— О, подобное я видел только под Парижем, у французов... Счастливы немцы, погибшие во Франции,— они пали ещё за победу!..

Разгром ширился. Уже доносился голос кенигсбергских фортов — тяжёлые крепостные орудия вели огонь. С глухим рёвом снаряды разрывали воздух. Уже близка была линия Кенигсберг — Гранц, и оттуда шли свежие немецкие силы навстречу нашим войскам.

Противник наседал, а по цепям советской пехоты восторженно катилось:

— Даешь Кенигсберг! Перекопцы пришли, каменная гвардия!

Знаменитый Валентин Шевчук появился со своим орудием на линии встречи с немецкими танками. Три танка бешено неслись на его орудие. Они двигались клином вперёд, разбрасывая грязь и снег. Наводчик Безуглый рванул шнурок. С грохотом полетела башня переднего танка. Как обезглавленный человек, танк еще бежал вперёд. Его правый собрат закружился на месте, пронзительно визжа железом... Огонь артиллерии вздымал броню, бетон и землю к небу. И уже поднялась пехота и упрямо пошла вперёд.

Гвардейцы полковника Кожанова спрашивали друг друга в дыму:

— Где линия Гранц? Отчего её всё нет?

На плечах немцев, в сплошном дыму они перешли линию Кенигсберг — Гранц, не подозревая о своей победе. И тогда в прорыв вошла «Каменная гвардия».

Это были гвардейцы генерала Лопатина — герои Перекопа. В 1944 году весной они таранили Перекоп, Ишунь и мрачный каменный Бельбек. Они форсировали Северную бухту Севастополя и взяли эту крепость с севера, откуда не могли взять Севастополь лучшие армии Европы.

Штыки наперевес, по-львиному бросились вперёд солдаты «Каменной гвардии»... В тот же день войска узнали, что левое крыло вышло на линию первых, восточных фортов Кенигсберга.

Был вечер 28 января.

5.

Начинался новый удар. Стремительный и мощный маневр захватывал всех: одним итти прямо перед собою, строго на запад; другим — повернуть на юго-запад; третьим — полным поворотом налево стать лицом на юг.

И двинулись войска, рванулись, как три смертоносных стрелы.

Гвардейцы Кожанова шли прямо на запад. Могучим ударом они должны были пробить Земландский полуостров до самого моря и, как меч, рассечь немцев надвое. А из-за плеча гвардейцев полковника Кожанова выходили войска на окружение Кенигсберга.

Тяжело шагая меж своих солдат, полковник говорил им:

— Теперь шагнём к морю! Не позабудет нас Родина.

И они пошли на подвиг.

...Был ли в те дни туман, был ли ржавый мглистый дождь — мало кто замечал: все были в огне, все.

Наши войска вошли в гущу немецких войск и укреплений, подобно стальному булату. Полуостров дрожал от грохота. Войска двигались к своим целям узким коридором в четыре километра, охватывая Кенигсберг кольцом. Они вели сражение с перевёрнутым фронтом, и, казалось, они бросили вызов смерти: отовсюду — справа, слева, впереди — наседали немцы.

Штабы принимали бой, охраняя тылы своих войск. Батареи вели огонь вперёд и назад.

Ночной вид Земланда был бесподобен. Пляска ракет, стремительные трассы светящихся пуль, вспышки орудийных выстрелов и разрывов... О, эти ночи! Не забыть их тем, кто остался в живых.

Столкнулось огромное количество войск и техники с обеих сторон. С головокружительной быстротой развивались события.

29 января к исходу дня солдаты генерала Олешева вышли к северным и северо-западным фортам Кенигсберга. Глубже всех, к западным фортам, в тыл городу шла «Каменная гвардия». Её движение было сплошной атакой. 29 января гвардейцы прошли 12 километров, сокрушив на своем пути отборные крепостные батальоны немцев.

Выбивали немцев гранатами из дотов, выковыривали

штыками из траншей, сбрасывали с укреплённых террас баронских вилл.

Падала позиция за позицией. В Замиттене на господском дворе кипела кровавая рукопашная. Гвардейцы вели бой внутри домов. В верхнем этаже особняка бился гранатами Николай Ян — гвардеец огромного роста и невероятной силы. Как громовержец, врывался он в одну комнату за другой. Восемь немцев набросились на него. Он глушил их своим ужасным кулаком, рыча от ярости.

Николай Ян выбрасывал живых и полуживых немцев через окно вниз, крича:

— Трофеи, чтобы я их больше не видал!

«Каменная гвардия» шла вперёд, продвигаясь в глубь вражеского тыла. И открывалась героям земля невероятная, зловещая. Кругом были леса. На всех картах они значились пустыми и мирными. А на самом деле эти леса ломились от каменных построек заводов, железных дорог и башен. Это были секретные об'екты, это была тайная Германия.

Батальон капитана Андрея Канаева двигался по этим лесам, полным опасностей. Вдруг разведчик Черкасов донёс:

— Стою на немцах. Они — под землёй.

Гвардейцы бросились в темные галлереи подземелий. Обширные, бесконечно длинные цехи военного завода — ряды зенитных пулеметов, пушек и станков открылись им.

Под землёй вспыхнул бой.

— Бей вдоль!—скомандовал Михаил Литвиненко, разворачивая зенитный пулемёт.

Свистящие снаряды заскрежетали по цеху... И у тех, кто был на поверхности, в лесу, отдавался в ногах, во всём теле гул подземного боя, непривычный, скребущий по сердцу. Чёрные, мокрые от пота, выскочили гвардейцы из-под земли уже в другом конце леса.

Так они шли — поверху и под землёй, в лесу и под корнями леса.

Угасал день 30 января.

Было уже близко море — южный берег Земландского полуострова. Валил туман. И в том тумане, под самым Кенигсбергом, слышались тревожные гудки паровозов, рёв самолётов, крики атакующих. «Каменная гвардия» наносила последний удар. Тяжело дышали гвардейцы, кашляли от едкой мглы, харкали пороховой пылью. С широко открытыми глазами, полными ужаса, смотрели на них немецкие солдаты, захваченные прямо в поездах. 53 самолёта не успели подняться в воздух и были тоже захвачены.

Перед «Каменной гвардией» стояли форты.

6.

Нет таких трудностей, которых не мог бы преоборoть человек, вдохновленный идеей правды. Такими людьми были гвардейцы полковника Кожанова.

Войска, окружавшие Кенигсберг, чувствовали гвардейцев Кожанова живо, ощутимо, как чувствует человек защиту стены во время бури. Гвардейцы Кожанова шли к морю на запад. Был далек этот путь, и был он труден и суров. Требовалась сила пушечного ядра, чтобы пробить толщу немецких войск и укреплений. Гвардейцы нашли в себе эту силу. В ночь на 2 февраля стрелки гвардии подполковника Андреева ворвались в Гермау, а стрелки майора Виноградова вышли к морю.

Молча встретили их дымные немецкие корабли, стоявшие на рейде. Вступал в силу главный маневр немцев — удар с двух сторон: со стороны Гранца — справа, и со стороны Пиллау — слева. К этим портам направлялись немецкие полки, оттянутые с Мемеля и Данцига.

Гвардейцы стали стеной. На помощь к ним катили на-

ГОСУДАРСТВ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ши мотоциклисты, неслись по шоссе амфибии, готовые с земли ринуться в волны моря, шла артиллерия.

И час испытания настал. Удар восьми немецких полков справа и двух слева обрушился на гвардейцев. Огонь кораблей ударил в лицо. Началась битва, в которой решалась судьба победы под Кенигсбергом.

Гвардецы должны были выстоять или умереть.

В этом бою люди умирали, не почувствовав смерти.

— Мне не больно. Идите к чорту! — сердито бранился пулеметчик Форков, когда санитары хотели перевязать ему раны.

Он был ранен уже пять раз, но полз, подбираясь к немцам... Танки, амфибии, пулеметы — всё двигалось, кружилось, исторгало огонь в этом бою. Рев моторов заглушал остальные звуки. Амфибии гвардии майора Кобылянского мелькали меж деревьев. С оглушительным треском, наседая на немецкую пехоту, делая широкие петли, врывались в немецкие цепи мото-пулеметчики.

Уже близко была наша артиллерия, спешившая на поддержку. Среди орудий, мчавшихся по шоссе, было и орудие знаменитого Валентина Шевчука. Вскоре оно уже развернулось на прямую наводку.

— Давай, давай! — кричали артиллеристам задыхающиеся гвардейцы.

Валентин приказал своим батарейцам открыть огонь.

Важна была каждая минута, выигранная в этом бою. И никто не думал о другом. Гибли немецкие батальоны, лилась святая кровь героев гвардии. Гвардейцы встречали немцев и отбрасывали их прочь. Один за другим выбывали батарейцы Валентина Шевчука. Темнели его голубые глаза, темнела ясная, спокойная душа. И вот он остался один.

Снял Валентин шапку, сбросил теплушку. Русые волосы рванул ветер от близко разорвавшегося снаряда.

— Уползайте как-нибудь! — сказал Валентин еще живым раненым батарейцам.

Он вел беглый огонь один.

Видели гвардейцы его бешеный труд. Видели и немцы. Целая немецкая батарея начала вести по нему огонь.

Валентин стоял...

Уготовлена ему была смерть необыкновенная. Тяжелый немецкий снаряд ударил ему в грудь. И не стало прекрасного Валентина. Он ушел вместе с огнем в раскаленный воздух, в туман Земланда, в вечность славы советской гвардии, чтобы жить в веках.

* * *

Командующий фронтом генерал армии Черняховский медленно ходил по ковру комнаты. Была всюду ночь, и было тихо на Земландском полуострове. Мужественное лицо полководца освещалось глубокой мыслью.

— Ваши войска, — сказал он негромко, обращаясь к Людникову,— совершили подвиг. Они шагнули к Кенигсбергу!

Людников, темноволосый сталинградец с лучистыми добрыми глазами, так же негромко ответил:

— Возвышенный дух солдат...

С крепостью стены стояли советские войска под Кенигсбергом.

В земле траншей, в бетоне оборонительных рубежей Кенигсберга в эту первую тихую ночь сомкнул людям глаза сторожкий сон — робкий и недолгий гость передовой линии. Глубоко дышали усталые, изнуренные солдаты и пили сон, сон — чудеснейший из напитков... Пятнадцать суток они были в огне и не знали отдыха. Их ожидала новая борьба, и их руки и ноги не должны были чувствовать усталости и боли.

Пришло первое тихое утро.

Встала перед глазами Кенигсберга немая картина возмездия. Всюду, на десятки километров, во всех направлениях Земландского полуострова простиралось побоище. Нагромождения бесчисленной немецкой техники — танки, самолеты, автомашины, самоходки — сожженные и разбитые, целые и изуродованные — заваливали дороги, заграждали опушки лесов. Мертво чернели развороченные укрепления и доты, закопченные дымом.

Немецкая кровь, железо и бетон были смешаны с немецкой землей.

7.

Кенигсберг—это история преступлений Германии. Всю свою многовековую жизнь он жил разбоем, другая жизнь ему была неведома. Молчаливы, мрачны здесь дворцы. В тиши их кабинетов, военных архивов и библиотек, в толстых крепостных стенах военных школ и аудиторий вызревали из десятилетия в десятилетие войны, грабительские походы.

Вокруг города-крепости выросли тяжелые сооружения крепостной обороны. В центре столицы—цитадель, остроконечный камень чудовищных размеров, в котором просверлены, высечены, выдолблены галлереи, ходы, казематы. Они уходят глубоко под землю.

С башен цитадели видны «холмы Кенигсберга» — 24 земляных форта со скрытыми позициями на них. Каждый такой холм вмещал гарнизон в 125—150 солдат. Кирпичные глухие казематы этих холмов покрыты бетоном в рост человека. Они окружают Кенигсберг плотным поясом. И мирен был вид «холмов» — внутренней линии обороны.

В шести—семи километрах от центра столицы проходила внешняя линия — пятнадцать громад из железа и бетона. Они окружали город вторым поясом. И каждое из звеньев этого пояса — твердыня, форт — крепость.

Они таили в себе казармы, боевые казематы, артиллерийские бастионы, пулеметные капониры, арсеналы. Приплюснутые к земле, вросшие в нее до плеч, сооружения напоминали огромных доисторических чудовищ, которые продавили почву своим тяжелым телом и застряли в ней.

Валы с открытыми позициями и рвы, наполненные водой, ограждали их.

Электростанции нагнетали воздух и давали свет в каждый из фортов.

49 полевых батарей, 45 тяжелых крепостных и береговых орудий, 104 пулемета было всажено в железобетонное нутро фортов. Не менее 5.000 солдат стояло у бойниц, в капонирах и бастионах...

Форты тянулись грядой с правого берега реки Прегель, окаймляли Кенигсберг и снова выходили на Прегель, замкнув круг.

Каждый форт имел свое название. Главный из них — форт № 4 — носил имя короля Фридриха-Вильгельма. Он стоял между «Кведнау» и «Шарлоттой». 22 орудия и пулеметные капониры этого форта могли отразить любую атаку. Главный калибр «Короля Фридриха-Вильгельма» был равен калибру линейного корабля. Подземные ходы и радиостанции связывали между собою и с городом крепостные сооружения.

Между фортами густо гнездились массивные доты — последние произведения немецкой фортификации. Их было несколько десятков.

Около дотов были построены глубокие блиндажи для пехоты передовой линии. Далее открывались взору бесконечные линии траншей, колючая проволока, противотанковые рвы и надолбы — «зубы дракона», минные поля.

Всё это было вдолблено, вделано, всверлено в землю, туго начинено людьми, техникой, огнем и нацелено против советских войск.

Гигантскую систему кенигсбергских укреплений немцы называли «Ночной рубашкой Кенигсберга». Тевтоны любили спокойно спать.

8.

В поте лица работали разведчики.

Линзы сложнейших оптических приборов с земли и с воздуха ловили каждую деталь, каждую извилину в обороне немцев. Аппараты тончайшей настройки фиксировали шумы. Пластуны пробирались в самые сокровенные уголки кенигсбергского созвездия фортов и дотов. Сеть наблюдательных пунктов — сотни неуловимых, внимательных глаз неутомимо следили за каждым движением противника.

Распознавался враг, и медленно, но верно вскрывалась железобетонная скорлупа Кенигсберга. Переносились на карту ее тайны.

В штабах артиллерии шла кропотливая работа с цифрами и расчетами — рождалась артиллерийская карта Кенигсберга — точный и неумолимый документ.

Немцы же бесновались. Во что бы то ни стало хотели они отбросить наши войска от города. Но крепка была хватка советских войск. Руки надежно сжимали глотку врага.

Разведчики неутомимо продолжали свою работу. Они проникали в самое нутро крепости.

Страх перед расплатой душил немцев.

Они лихорадочно возводили укрепления на улицах и площадях. Всё мужское население, способное поднять винтовку, было мобилизовано в фольксштурм. Из арсеналов выкатывались пушки. Минировались окраины. Дворцы в городе и виллы в окрестностях приспосабливались к бою.

Город замуровывался.

Пленный полковник Бейзе, командующий артиллерией 9-го армейского корпуса, злобно сказал:

—Кенигсберг не сдадим. 22 января 1758 года не повторится!

Вагнер, «фюрер» Кенигсберга, об'явил по радио:

— Отныне мы бешеные. Будем драться с фанатическим бешенством. Наш девиз — национальное бешенство!

И действительно, Кенигсберг взбесился. Командующий группой войск «Норд» издал приказ безоговорочно расстреливать дезертиров. Трупы расстрелянных лежали на улицах и площадях, покрытые деревянными плашками с надписью: «За трусость».

Выползли из своих логовищ немки-рабовладелицы. Их черные, зловещие тени ползали по улицам, останавливали колонны солдат, заходили в подвалы, набитые доотказа немцами, появлялись в фортах и траншеях и всюду шипели, как змеи, произнося лишь одно слово:

— Пст!

Это был девиз Гиммлера, означающий: «Молчи!».

Но перед Красной Армией нельзя было молчать. И город выл.

А на полуострове попрежнему шли бои.

Шли дни, недели.

На немецких рубежах появлялись новые номера дивизий, переброшенных морем. Но разомкнуть мертвую хватку советских войск они так и не смогли.

9.

18 февраля пал на поле боя генерал армии Черняховский.

С печалью узнали об этом войска. Но горе солдата — не девичье горе. Поднималась в войсках ярость и жажда штурма. Через фронты и страны доходили под Кенигсберг рассказы о мастерах будапештских боев.

На дорогах фронта усилилось движение. Войска перемещались, двигались во всех направлениях, резко меняли свой курс и снова шли... Заметно густели войска. Проходили сотнями танки, двигалась артиллерия большой мощности, шла осадная артиллерия, в жерлах орудий могли свободно помещаться люди. Батарейцы этой артиллерии сооружали для своих пушек собственную железную дорогу.

Злобным видением вставал из тумана перед войсками Кенигсберг.

Что предстояло им?

Родина, далекая, милая Родина склонялась над солдатами, вселяя в них веру и твердость.

* * *

Маршал Василевский принял командование войсками фронта. И тем временем, как под Кенигсбергом крепла мёртвая хватка войск 3-го Белорусского фронта, другая их часть шаг за шагом очищала Восточную Пруссию.

Против советских частей немцы ставили десятки батарей, расчёты которых состояли только из офицеров. Эти батареи вели огонь прямой наводкой и не имели права отступать. Советская артиллерия и тяжёлые танки таранили рубежи немцев. Назывались рубежи «1-й железный», «2-й железный»... Эти названия были даны немецким позициям из-за огромного количества брони и другого металла, которое было там сосредоточено.

«2-й железный рубеж» лежал по линии железной дороги. На рельсах стояли бронированные вагоны, под рельсами гнездились окопы и дзоты, за насыпью дороги — танки и артиллерия. Бой на этом рубеже был кровавым. Танкисты подполковника Кирилова атаковали этот рубеж вместе с артиллерией и пехотой. Подполковник был тяжело ранен. Он очнулся в госпитале.

Маршал Василевский навестил Кирилова.

— Александр Михайлович, говори правду. Прорвали? — спросил Кирилов.

— Прорвём, Василий Васильевич! — ответил маршал.

Кирилов умолк. Они понимали друг друга без слов.

Восточная Пруссия должна быть пройдена советскими войсками вся! Это было святой клятвой каждого солдата... Когда маршал ушел из госпиталя, подполковник Кирилов поднялся и оставил койку. Он вернулся к своему полку во время боя и сел в танк. В бою Кирилов погиб.

Войска шли в ярости, в подвиге, в едином порыве. Шли по пояс в воде по зонам затопления, ночами стояли в окопах по колено в грязи.

На берегу залива Фриш Гаф открывалась страшная картина разгрома. По бурным волнам плыли немцы на плотах, на бочках, на резиновых подушках и камерах от автомобилей. Плыли, барахтались, тонули в воде полки, канцелярии, тылы, резервы. Фриш Гаф словно пожирал их. И немногим удалось достичь косы Фриш Нерунг, чтобы по ней попасть в Кенигсберг.

* * *

Кенигсбергский штаб, возглавляемый генералом Ляш, матёрым прусским волком, был организацией серьёзной и опытной. Закалённому в битвах советскому штабу предстояло померяться с ним в решительном сражении...

Продуманная до мелочей, совершенная машина штаба работает с поразительным упорством и терпением. Огромные залы телеграфных аппаратов, телефонных служб, мачты радиостанций — всё это гудит в напряжении и в каком-то точном вращении. Десятки самолётов, броневиков, мотоциклистов ежечасно уходят из штаба в свои неведомые тайные рейсы.

В эти часы предельного напряжения создавалась карта Кенигсберга. Наносились все огневые средства врага — медленно, упорно и верно. И карта пестрела, как причуд-

ливый узор. Выявлялись, словно на фотопластинке, мириады условных знаков: батареи артиллерии, миномёты, пулемёты, доты, дзоты, проволока, минные поля, рвы, эскарпы, окопы, траншеи, бункеры, форты.

В создание этого документа был вложен ратный труд тысяч людей — от бойца передового окопа до начальника штаба фронта. Тысячи пытливых умов работали над ним.

План был готов и был нанесён на литографский камень.

То, что было создано штабом маршала Василевского, превосходило всё, что смог выдумать коварный и хитрый, изощрённый кенигсбергский штаб.

10.

Маршал Василевский принял решение:

— Взять Кенигсберг звёздным штурмом.

Штурм должен был начаться одновременно с восьми сторон. Все восемь стрел должны были сойтись своими остриями в центре города. Главная ось штурма выпала на долю гвардейских войск генерала Галицкого и войск генерала Белобородова. Первые — с юго-востока, а вторые — с северо-запада, ударив одновременно, должны были соединиться западнее цитадели и разрубить Кенигсберг надвое.

Словно отточенные наконечники этих двух встречных таранов, встали перед Кенигсбергом: от Белобородова — гвардейцы генерала Кирилла Тымчика, а от Галицкого — гвардейцы полковника Толстикова.

Войска — в готовности.

Не было силы, которая бы заставила советские войска уйти из-под Кенигсберга.

Между тем в Кенигсберг приходили немцы с побережья Фриш Гаф, те, что остались в живых после разгрома. Они пробрались по косе Фриш Нерунг, как по канату.

Это были полуобезумевшие люди, и их рассказы сеяли ужас среди солдат кенигсбергского гарнизона.

По немецким фортам, дотам и траншеям шёл приглушенный гул. Но безмолвная и сторожкая тишина царила в наших траншеях. Надвинув шапки, суровые бойцы стояли у своих орудий и пулемётов. То, что таилось в их душе, не было подвластно немцам. Судьба же немцев была подвластна им.

Тёплый ветер весны трогал их шершавые лица.

11.

8 апреля 1945 года. Утро. Тишина.

Туман уходил с позиций, и обнажались под ним мокрые траншеи. Прояснялось весеннее небо.

Неуловимый трепет проносился по окопам. Священны тайные минуты перед битвой... Гвардейцы генерала Кирилла Тымчика прильнули к оружию. В эти мгновения всё вокруг Кенигсберга молчало. Сотни тысяч глаз, десятки тысяч стволов орудий и пулемётов в безмолвии смотрели на Кенигсберг со всех сторон.

И всё было готово к яростному прыжку.

По рукам гвардейцев ходила тетрадь. Они брали её, и каждый читал, записывал несколько слов и передавал товарищу. Тетрадь называлась «Слово гвардейцев перед штурмом прусской столицы».

Гвардеец Николай Грабков читал записи своих товарищей:

«Сталинская гвардия будет в городе Кенигсберге! Я заявляю об этом. Гвардии младший сержант Владимир Конфедерантенко».

«На штурм! Никакие преграды не остановят гвардию. Гвардии ефрейтор Самсыкин Петр»...

Кругом было тихо, и лишь слышался с немецкой сторо-

ны мокрый стук насоса: немцы откачивали воду из своих траншей. Николай Грабков записал в тетрадь:

«Я воюю уже четыре года и дошёл до стен прусской берлоги. Я пришёл сюда по дороге моих предков. Я отдам все силы, а быть может, и жизнь, но Кенигсберг будет сокрушён навеки...»

10 часов утра.

Брызнул первый луч солнца, пробившийся сквозь туман. И тут же рёв сверхмощных осадных орудий разорвал воздух, качнул землю, повис над Кенигсбергом. Что-то напоминающее живой крик оленя, трубный и зовущий, было в том рёве колоссальных жерл, отлитых из русской стали.

Штурм Кенигсберга начался.

И земля вокруг Кенигсберга вскрылась: потоки огня и металла хлынули из щелей, в которых были укрыты орудия вокруг столицы. Артиллерия била со всех сторон. Грохот, свист снарядов, гул гвардейских миномётов наполнили воздух.

На линии фортов и в глубине разлился огонь. Поднялся дым и завалил город. Тяжёлые тучи пепла начали подниматься к небу.

Скрылось солнце.

Над главным фортом «Король Фридрих-Вильгельм» взлетели к небу деревья, вырванные с корнем, полетели прочь обломки бетона и тучи земли. Удар нарастал. Гул самолётов влился в орудийный гул. Множество штурмовиков появилось в воздухе.

Пошла «небесная пехота».

Стаи штурмовиков обрушились на форты. Каждая стая долбила свой форт. С яростью самолёты падали, словно камни, вниз, выходили из пике, залетали вновь, наслаивая на удар артиллерии свой удар. Они вырывались из дыма и снова уходили в дым. Уходили одни и в ту же минуту приходили другие.

Кенигсберг словно опустился на дно кипящего огненного колодца.

Так было два часа.

И вдруг имя Сталина пролетело по траншеям, как пламя. Пехота бросилась в атаку. Бойцы поднялись и двинулись вслед за огневым валом, неся вал своего огня.

Начался звёздный штурм.

Он обрушился на надменную прусскую столицу с восьми сторон. Был величественен этот стремительный смертоносный штурм. Дым застилал путь. Ветер уносил крики, развевались полы шинелей у солдат от бега. То было вдохновение всего громадного войска, слияние множества сердец в одно большое и благородное сердце.

Силы жизни вздымали грудь войска.

Всё, о чем мечтали советские воины, проходя в тяжких боях Восточную Пруссию, всё, во имя чего они пришли сюда, предстало перед ними...

Гвардейцы генерала Кирилла Тымчика с первых же шагов вырвались вперёд. Это были солдаты той самой «Каменной гвардии», что замкнула кольцо окружения вокруг Кенигсберга. Они истомились, ожидая штурма. Штурмовой батальон старшего лейтенанта Соина ударил по обороне немцев, как ядро. В батальоне вместе с пехотой двигались пушки, танки, сапёры. Каждый делал своё дело.

Старшина Мельников и его восемь гранатомётчиков вихрем перелетели через вражеские траншеи, прошли по головам немцев. Затем на животах они поползли к доту, из которого ливнем бил огонь.

— В амбразуры! — закричал Мельников.

Дым закрыл их.

Вскоре они вынырнули из этого дыма, но уже далеко за дотом. Дот молчал.

Батальон Соина со страшной силой ударил прямо по

форту «Лендорф». Форт захлёбывался, изрыгая огонь. Упали гвардейцы на землю, обливаясь кровью.

Кто-то закричал:

— Врёшь, не уйдёшь!

Форт устоял. Но он был схвачен за горло: гвардейцы лежали уже на валу форта и были готовы броситься к его амбразурам.

— Оставить форт и вперёд к городу! — приказал подполковник Рубцов.

12.

Сила и стремительность атаки были невероятными.

Твердыни фортов обнажились. Многолетние леса, росшие на них, были снесены начисто, валы — разворочены. Главные силы прорвали линию фортов и бросились к городу. Но гарнизоны фортов продолжали вести огонь. Форт «Король Фридрих-Вильгельм» держался упорно. К «Шарлотте» танки и самоходные орудия везли тонны взрывчатки.

Отчаянно огрызался «Лендорф».

Между тем из дыма сражения потянулись первые колонны пленных. И это было столь ново: вместе с отчаянным сопротивлением — с первого же шага много пленных.

Такова была сила удара. Были парализованы целые соединения и участки немецкого фронта. Удар не ослабевал. Артиллерия уже второй раз меняла свои позиции и подтягивалась вслед за ушедшей вперед пехотой. И новый вал артиллерийского огня обрушивался на немцев. Новый натиск штурмовых батальонов сокрушал их оборону.

В 2 часа ночи генерал Кирилл Тымчик предложил гарнизону форта «Лендорф» сдаться. В темноте ночи продолжалась атака.

Парламентеры капитан Адашкевич и старший лейтенант Кузнецов спустились в форт «Лендорф». С глухим шумом лег через ров под'емный мост. Темнела под ним вода, белела на воде оглушенная рыба, всплывшая наверх. Немцы с удивлением смотрели на советских офицеров, вошедших в железобетонные катакомбы.

— Один час на размышление,— об'явил Адашкевич.

И через час 192 солдата и 5 офицеров вышли из форта с поднятыми руками.

Наступление продолжалось.

Утром поднялось ясное, яркое солнце. И вновь день открыла артиллерия. Все глубже расчищался путь пехоте. Штурмовые группы уже приближались к черте города со всех восьми направлений.

Тогда появились над Кенигсбергом тяжелые бомбардировщики. Их было до тысячи. Тишина воцарилась на позициях обеих сторон.

Тяжелые воздушные корабли слетелись над городом и закрыли собою небо. Они кружили, каждый отыскивая свою цель. И вот они начали сбрасывать бомбовой груз. Видно было, как трепетало над городом небо. Внизу же трещала и гулко раскалывалась земля. Поднимались на огромную высоту густые облака дыма и пыли. Раскаты взрывов слились в глухой гром. Ощутимо качалась земля.

Батальоны снова бросились на штурм. В это время пришло известие, что гвардия генерала Галицкого вышла через главный вокзал на Прегель. И теперь ясно обозначилась главная ось штурма. По ней, словно по каналу, текли все новые колонны пленных. И по ней гвардейцы подполковника Рубцова перебросились через канал Ланд Грабен. Штурмовые группы со своими пушками, гранатами и взрывчаткой ворвались в кварталы Кенигсберга — на первые улицы аристократического Амалиенау.

Дрожал город.

К Амалиенау и к Прегелю немцы двинули отборные

войска и отборную артиллерию. Но было поздно. Гвардейцы подполковника Рубцова блокировали передовые бункеры внутренней линии и штурмом взяли их.

13.

Гвардия генерала Галицкого форсировала Прегель в кромешной тьме.

Орудия прямой наводки, множество пулеметов били с правого берега Прегеля на левый. Набережные были охвачены огнем, точно камень вдруг загорелся. Рушились, трещали здания. А внизу под ливнем снарядов и пуль, на темной станине широкой реки плыли гвардейцы полковника Толстикова — плоты, бочки, бревна, лодки, огромные баллоны, наполненные воздухом, качались на гребнях кипящей от разрывов реки.

На плотах качались пушки.

Гвардейцы выгребались упорно, словно завороженные. Чье-то 45-миллиметровое орудие уже вышло на середину, как снаряд расколол плот. И батарейцы начали погружаться вместе с орудием в воду.

— Огонь! — закричал кто-то из них.

Гибнущее орудие открыло огонь, медленно уходя под воду. Оно исчезло. Но другое орудие открыло огонь тоже с плота. Наводчик стрелял, остальные гребли. Орудие быстро приближалось к набережной. В ясном свете ракеты было видно, как плот пристал к стенке, как наводчик уцепился окровавленными руками за тяжелое кольцо причала и медленно повел плот с пушкой по стенке — вверх по течению, к точке, где надо было высадиться.

Так форсировали Прегель гвардейцы. И когда они слились с камнем города и их удар отбросил немцев прочь с набережной, в гулких улицах Кенигсберга зазвучал властный голос дикторов:

— Ахтунг, ахтунг!

Передавали обращение маршала Василевского к немецким генералам, офицерам и солдатам кенигсбергской группы войск с требованием капитуляции.

«У-2» сбрасывали листовки с обращением на позиции немецких войск.

Утром пал залитый огнем форт «Король Фридрих-Вильгельм», сдалась «Шарлотта».

14.

Возвышенный дух советских воинов одерживал верх над злобным упорством врага.

Все глубже к центру столицы проникали все восемь направлений штурма. Злобно отбивался враг. Сотни пулеметов хлестали по улицам, били артиллерия и минометы. На пути вставали баррикады и завалы. Доты угловых домов на перекрестках улиц работали безостановочно, как швейные машины.

Город горел, рушились с шумом многоэтажные здания. Падали стены.

Где улица? Где начало и конец дома? Все заполнено вьющимся дымом, крутящейся гарью. Нестерпимо жарко стало на улицах. Вихри пепла проносились по ним из конца в конец.

Штурмовые группы жили в этом огненном хаосе и дрались, проникая в подвалы, на верхние этажи зданий, преодолевая огонь. Они были в родной стихии — недаром они учились перед штурмом, недаром обливались соленым потом... Артиллеристы катили свои пушки по улицам на руках, захватывали перекрестки, били прямой наводкой.

Наблюдательный пункт генерала Кирилла Тымчика немцы накрыли снарядом. Генерал перенес НП ближе к центру города. Кирилл Тымчик вышел на улицу и управлял боем оттуда.

Он приказал выкатить в улицы на прямую наводку

около 50 стволов артиллерии и требовал от своих гвардейцев сталинградской отваги. Все чувствовали, что идущий навстречу Толстиков уже близко. Никакой грохот, никакой огонь не мог заглушить голоса родного оружия. Опытное ухо солдата ловило знакомый стук пулеметов, знакомый треск автоматов, неясные русские крики.

И гвардейцы рвались вперед. Они врубались в глубь города полосой в 650 метров.

Подполковник Рубцов, высокий офицер в солдатской фуфайке, оставил укрытие и вышел на улицу. Его голос слышался в шуме боя:

— Гвардия, вперед! Вперед!

Передовая штурмовая группа билась уже далеко за центром Амалиенау. Гвардейцы продвигались с трудом. Тяжело нагруженные взрывчаткой, ломами, гранатами, черные от дыма саперы были тут же. На перекрестке улиц Регентенштрассе и Континеналлее немецкий станковый пулемет прижал штурмовую группу к камню. В дыму трещали другие пулеметы.

Это место напоминало гигантскую траншею: узко, глубоко.

Сапер Григорий Павличенко двигался за стеной металлической ограды. Он подошел к пулеметчику почти вплотную, снял его выстрелом и, подняв над головой связку гранат, бросился в особняк. Он нашел огневую точку. Раздался взрыв. Завыли немцы. По лестницам застучали сапоги других немцев. Четверых повалил Григорий. Удар снаряда в дом чуть не уложил самого Павличенко, но это был последний снаряд. Гвардейцы уже забрасывали окна особняка гранатами.

Здесь оказалось не один, а 12 пулеметов — в каждом окне.

На одну из площадей обрушились снаряды, и с улиц, из дыма появились немцы с поднятыми руками. Это был сводный артиллерийский дивизион прямой наводки.

Передний шел с высоко поднятой бумагой—обращением маршала Василевского.

С севера уже чувствовалось движение войск генерала Озерова — к центру города. Эти войска пробивали самый тяжкий бетон Кенигсберга.

Немцы с'еживались, собирались в кулак.

Их расчет — заставить советские войска развернуться перед линией фортов, т. е. перед городом, и затем втянуть их в затяжной бой — безнадежно провалился. Сила, стремительность, организация, тактика штурма крепости советскими войсками оказалась неожиданностью для немецкого командования. У немцев оставалась надежда одна и последняя: устоять в центре города. Здесь были все резервы, главная артиллерия, отборные части.

15.

Солдаты харкали кирпичной пылью. Коричневая пыль душила улицы, словно полз тяжелый каменный туман.

Густо падал этот туман на асфальт, садился на стальные каски, проникал в карманы и сквозь шинели — к телу. Мелькали в коричневом тумане солдаты.

— Прижимайся к камню! — командовал младший сержант Данилов своим бойцам.

Последний прыжок.

Все шестеро перелетели через улицу под очередью немецкого пулемета. Из окон особняка глянули немцы. Мелькнул в дверях пулеметчик. Младший сержант Махонин всадил в дверь очередь. Застрочили по окнам автоматы. Рядовой Крайний метнул гранату в окно.

Особняк замолк, оцепенел.

За ним, где-то близко, с шумом обвалилась стена дома. Послышались крики:

— Давай! Давай!

Свои. Рядом.

Шестеро гвардейцев бросились в особняк, прокладывая путь огнем. Пусто. Тихо. Но это не так.

— Хенде хох! — громко скомандовал Данилов.— Выходи, иначе взорвем.

Из особняка кто-то ответил, плохо выговаривая по-русски:

— Понимаем!

Первым показался майор Баденхуб. Он вышел с поднятыми руками, бледный, как смерть. Со всех сторон и изо всех щелей полезли немецкие солдаты и офицеры. Топча трупы своих товарищей, быстро, бегом они выстраивались на улице в колонну по четыре человека.

Всего было 400 солдат и офицеров.

— Веди! — приказал Данилов Крайнему.

А сам — вперед. Но из-за угла показалась зеленая стальная каска. Сверкнула пара сторожких глаз, скрылась. Затем послышался восторженный крик:

— Свои!

Гвардейцы генерала Кирилла Тымчика и полковника Толстикова соединились. Соединились две огромных силы, шедшие навстречу друг другу,— гвардия Галицкого и войска Белобородова. Они разрубили город надвое. Главная ось сокрушительного штурма теперь легла через столицу зримо и величественно.

Город же продолжал кипеть.

Неподалеку дымилась Цитадель. Она стояла на острове, окруженная водой, и вид ее был непередаваем. Казалось, что эта громада побывала в ступке,— так была она сокрушена, так истолчена!

Внутри города начался сложный маневр—поворот двух группировок войск, и в это же время с грохотом понеслись по улицам тяжелые танки. Они двигались со своими мостами, с хода сокрушали баррикады. На броне танков сидели пехотные командиры и автоматчики.

Танки и гвардия Галицкого начали штурм центра.

По улицам города тянулись бесконечные колонны пленных немцев. Грязные от пыли подвалов, коричневые от кирпичной пыли, какие-то оранжевые и синие, они походили на толпы раскрашенных дикарей.

А следом тянулись выползшие из подвалов немцы. Холеные люди с собачками на золотых цепочках, с гувернантками и лакеями снимали шляпы перед советскими солдатами.

И зримо начиналась уже в городе новая жизнь.

На всех парах прикатила солдатская кухня и стала в укрытие, у парадного дома, сплошь заросшего плющом, уставленного гранитными львами. Пожилой повар начал подкладывать дрова в печку. Он был в белом фартуке и даже в белом колпаке. Всюду торжествовала победа, всюду были сияющие лица солдат, но кашевар был мрачен.

Генерал в комбинезоне подошел к нему, спросил:

— Что изготовил для солдат?

— Изготовил-то хорошо,— ответил кашевар,— да что толку. Не едят. Второй день готовлю, а едят мало. Не принимает солдат пищу. Страшно взволнован человек. Сам ходил к солдатам, а они говорят: «Иди к чорту, не до тебя!» Вот уже прямо под огонь привез. И никто не ест. Взял бы я автомат, да и пошел, как было в Сталинграде.

И он в надежде спросил:

— Может, откушаете, товарищ генерал? Ведь и победа борща требует.

Генерал покачал головой:

— Спасибо, братец. Не время.

В центре грохотал бой.

16.

У бассейна Обер-Тайх помещался оперативный штаб коменданта Кенигсбергской крепости генерала от инфантерии Ляш.

Генерал держался упорно.

Центр Кенигсберга, который он отстаивал, опирался на 10 внутренних фортов: 5 — за Прегелем с юга и 5 — у бассейна Обер-Тайх с севера. Южные форты пали. Северные держались.

Но надвигался конец.

Гвардия Галицкого ворвалась в центр с юга, через город. Более 30 часов продолжался последний штурмовой удар с севера и с юга.

Это была агония Кенигсберга.

Вслед за артиллерийским и танковым ударом, вслед за атакой штурмовых батальонов наступала короткая пауза, и две, три, четыре тысячи пленных выползали из дыма со всех сторон. Поток иссякал. Новый удар. И центр снова выдавал очередную порцию пленных.

В кварталах кенигсбергского центра родилось острое слово:

— Выколачивать пленных.

Вот идет очередная партия выколоченных. Они с огромным белым флагом. Командует ими офицер. Подчеркнуто четкий шаг. Офицер отдает честь русским офицерам.

А за спиной колонны не умолкает бой.

Многообразная и горячая жизнь штурма наполняла каждый уголок столицы Восточной Пруссии. Наступал вечер. Все меньше становился островок генерала Ляш. Наша артиллерия уже прекратила огонь. Во всем городе уже работали советские военные комендатуры. Возле них стояли толпы освобожденных русских людей — невольников этого проклятого города.

Но в центре немцы еще держались.

— Кончать! — приказал генерал Галицкий.

Глубоким вечером советские парламентеры пришли к бассейну Обер-Тайх, к Ляшу с ультиматумом генерала Галицкого.

Переговоры были кратки.

Генерал Ляш капитулировал. Это было в 9 часов 30 минут вечера 9 апреля 1945 года. Штурм Кенигсберга закончился полной победой. Эта последняя штурмовая ночь и следующий день принесли пятьдесят тысяч новых пленных — последних в Кенигсберге немецких солдат и офицеров.

Хмуро шагал в советский штаб генерал Ляш — матерый седой волк Кенигсберга.

Сопротивление немцев в Кенигсберге обошлось им дорого — свыше 92.000 пленных и до 42.000 убитых солдат и офицеров, не считая раненых.

«Ночная рубашка Кенигсберга» была крепка, но еще крепче оказалась Красная Армия.

* * *

Победа!

За два дня была сокрушена прусская твердыня.

Это — победа советского солдата, советского военного таланта, победа сталинской военной науки.

Веками будет жить слава героев штурма Кенигсберга.

Кенигсберг,

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Г 813093. Тираж 500.000 экз. Заказ № 891.
Подписано к печати 17 апреля 1945 года.
Типография газеты „Правда“ имени Сталина.
Москва, улица „Правды“, дом № 24.

8

Цена 50 к.